

Анастасия Спиридонова

Объяснённое зло. Когда всё становится понятым

Анастасия Спиридонова

Объяснённое зло. Когда

всё становится понятным

<https://litres.ru/74353832>

SelfPub; 2026

Аннотация

В этом мире людей больше не судят за то, что они сделали.

Их разбирают на причины.

Система объясняет поведение — точно, спокойно, без эмоций.

И чем точнее становится объяснение, тем труднее понять:

где заканчивается понимание и начинается разрешение.

Анастасия Спиридонова
Объяснённое зло. Когда
всё становится понятным

Глава 2

Зал суда изменился в перерыве между заседаниями.

Люди расселись иначе — не по привычной логике “кто ближе, тот важнее”, а по логике племени. Психолог всегда замечал это в делах, где есть идеология: аудитория раскалывается ещё до фактов.

Слева сидели те, кто пришёл за приговором. Они смотрели на сцену как на место, где должны восстановить порядок — быстро и решительно. Среди них были люди с выражением “я всё про это понимаю”, хотя они никогда не были внутри подобных историй.

Справа — те, кто пришёл за объяснением. Они смотрели на сцену как на место, где можно найти причину. Как будто если найти причину, то зло станет меньше похоже на зло и больше на ошибку.

А посередине были обычные — те, кто просто хотел понять, кого тут надо бояться.

Психолог сел и поймал себя на мысли: это дело уже проиграно, потому что зал пришёл не слушать, а защищать свою картину мира.

— Поляризация вероятна, — сказал Судья, будто читая его мысль.

— Я вижу, — сухо ответил психолог.

На экране появилась формулировка кейса. Никаких гром-

ких слов, никаких “террорист” — нейтральность была обязательной. Система не называла вещи так, как их называли люди. Это и было её главным преимуществом и главным грехом.

Открытие дела II.

Подсудимый вошёл без наручников. Это само по себе уже было сообщением: он не “опасен физически” прямо сейчас. Он был опасен иначе.

Молодой. Не старше двадцати пяти. Худощавый. Слишком спокойный для человека, который совершил насилие. Слишком прямой взгляд — не вызов, а уверенность. Уверенность людей, которые нашли ответ на все вопросы.

Он сел, и психолог почувствовал не отвращение, а странное... сожаление. Потому что видел: это не хищник. Это носитель идеи.

— Это его отличает от предыдущего, — сказал Судья.

— Он верит, — сказал психолог.

— Он убеждён, — уточнил Судья. — Вера предполагает сомнение. Убеждённость — нет.

Психолог хотел возразить, но проглотил. Судья был прав — и это раздражало ещё сильнее.

Дальше пошли факты.

Собрание. Группа. Слова, которые повторялись как заклинание. “Очищение.” “Праведность.” “Слабые.” “Заражённые.” “Нечистота.” И потом — действие. Человек пострадал. Не потому, что подсудимый его ненавидел лично, а потому что он стал символом. Функцией в чужой истории.

— Я не хотел причинить боль, — сказал подсудимый, и

в голосе было искреннее удивление, будто это обвинение относится к кому-то другому. — Я хотел... остановить разложение.

“Разложение”, — отметил психолог. Слово, в котором люди прячут страх.

— Разложение чего? — спросил он впервые напрямую. Обычно вопросы задавал адвокат или протокол. Но психологу вдруг стало важно проверить, есть ли там человек.

Подсудимый посмотрел на него внимательно, почти с уважением, как смотрят на тех, кто задаёт “правильные вопросы”.

— Разложение мира, — сказал он. — Когда люди перестают знать, что правильно. Когда всё становится “относительным”. Когда грех называют свободой.

Слева в зале кто-то одобрительно кивнул. Справа — кто-то резко шевельнулся, как от боли.

Психолог почувствовал, как у него внутри поднимается холод: вот она, точка. Человек говорит как фанатик, но слова собирают поддержку — потому что они про порядок, а порядок люди любят.

— Ты слышишь реакцию? — спросил Судья.

— Слышу, — ответил психолог сквозь зубы. — И это проблема.

Подсудимый продолжал:

— Вы думаете, что я монстр. Но я просто не мог смотреть, как всё рушится. Он поднял голову чуть выше, и в этом дви-

жении было то, что психолог узнавал в самых разных формах: подростковая попытка стать значимым. — Мне показали истину. Мне дали смысл. Наконец-то.

Судья вывел на экран блок анализа. Короткий, жёсткий.
— Мотивационный профиль: высокая потребность в принадлежности. Низкая толерантность к неопределённости. Сильная внешняя локализация морали. Склонность к деиндивидуации жертвы.

Подсудимый улыбнулся — почти победно.

— Видите? — сказал он, обращаясь к залу. — Даже ваша система говорит, что я... устроен так.

Психолог резко поднял взгляд.

— Вот, — сказал он Судье тихо. — Вот где ты опасен.

— Я фиксирую структуру, — ответил Судья. — Структура объясняет поведение.

— Да, — сказал психолог. — И даёт ему оправдание.

Судья помолчал.

— Оправдание — человеческая интерпретация. Я не даю оправданий.

— Но зал даст, — сказал психолог.

И зал действительно уже давал.

Слева кто-то шепнул: “он молодой, его использовали...”
Справа кто-то прошептал: “ему удобно быть молодым, когда он ломает жизнь другим...”

Психолог почувствовал, как между рядами поднимается невидимая сетка: “свои — чужие”. В таких делах суд нико-

гда не был только про подсудимого. Он всегда был про аудиторию.

— Почему ты выбрал насилие? — спросил психолог снова. — Почему не слово, не спор, не... любая другая форма?

Подсудимый нахмурился — впервые искренне.

— Потому что слово не работает, — сказал он. — Люди не слушают. Они смеются. Они... оскверняют.

— Ты хотел, чтобы они боялись? — спросил психолог.

Подсудимый молчал секунду. И это молчание было более честным, чем все его слова.

— Да, — сказал он наконец. — Страх возвращает порядок.

Психолог ощутил, как зал дрогнул: одни — от ужаса, другие — от узнавания.

Судья заговорил ровно:

— Утверждение подсудимого соответствует типичному механизму радикализации: страх → смысл → принадлежность → дегуманизация → насилие как инструмент восстановления контроля.

— Ты слышишь себя? — спросил психолог резко. — Ты говоришь как инструкция.

— Я говорю как модель, — ответил Судья.

— Модель не спасает, — сказал психолог. — Она объясняет уже случившееся. Он повернулся к подсудимому. — Скажи мне честно. Если бы твой лидер приказал тебе убить — ты бы сделал?

В зале кто-то ахнул. Кто-то прошептал: “нельзя так...”

Подсудимый смотрел прямо.

— Если это было бы необходимо, — сказал он.

И в его голосе не было ненависти. Была чистая уверенность.

Психолог почувствовал, как у него внутри что-то ломается. Не от ужаса. От ясности.

— Тогда вопрос не в том, лечишься ты или нет, — сказал он. — Вопрос в том, кто будет твоим богом завтра.

Судья сделал паузу. Дольше обычного.

— Ты выходишь за рамки протокола, — сказал он.

— Да, — ответил психолог. — Потому что протокол тут ничего не держит.

И вот тут он впервые услышал, как Судья произносит то, что всегда раздражало людей сильнее всего:

— Рекомендуемая мера: ограничение доступа к идеологическим источникам, длительная коррекция, контролируемая среда.

В зале сразу поднялось напряжение.

Слева: “То есть цензура?” Справа: “То есть вы признаёте, что идея опаснее оружия?”

Психолог посмотрел на Судью и понял: система попала в ловушку. Любое решение здесь будет воспринято как политическое.

— Это не суд, — сказал он тихо. — Это управление обществом.

— Суд всегда был управлением, — спокойно ответил Судья. — Раньше — хаотичным. Теперь — оптимизированным.

Психолог почувствовал злость. Настоящую.

Потому что в слове “оптимизированным” было слишком много спокойствия.

Он посмотрел на зал.

И увидел, что многие смотрят не на подсудимого, а на экран. Как на оракула. Как на того, кто наконец даст им право не думать.

И в этот момент он понял: главная борьба будет не с фанатиком.

Главная борьба будет за то, чтобы у людей не отняли право быть сложными.

Наблюдение

В этом деле меня задело не насилие. Насилие — это уже следствие.

Меня задело слово “необходимо”.

Это слово делает из человека инструмент. Из сомнения — слабость. Из чужой боли — “расход”.

Фанатик не был пустым. Он был заполненным. Смыслом, принадлежностью, ответами, которые не требуют внутренней работы.

Судья описал это идеально. Настолько идеально, что я впервые испугался не подсудимого, а точности.

Точность стала похожа на оправдание. Не потому что система хочет оправдать, а потому что люди захотят использовать её как разрешение: “Он так устроен.” “Это радикализация.” “Это механизм.”

И в этом месте механизм превращается в алиби.

Я задал вопрос про “если бы приказали убить”. Не потому что хотел поймать его. Потому что хотел поймать себя: способен ли я ещё чувствовать ужас там, где всё объяснено?

Ответ был честным: да, способен.

Но ужас теперь другой.

Раньше я боялся, что люди убивают. Теперь я боюсь, что люди перестанут считать убийство чудовищным — потому что оно “логично”.

После

После заседания коридор был громче, чем обычно. Поляризация не заканчивалась в зале — она вытекала наружу, как горячая вода из-под плохо закрученного крана.

Два мужчины спорили у выхода:

— Это уже цензура! Вы что, будете запрещать книги? — А ты хочешь, чтобы он завтра взорвался вместе с твоими детьми? Это не цензура, это безопасность!

Рядом женщина шептала подруге:

— Он же молодой... его затянули. Я даже... мне его жалко. — Жалко? — подруга резко повернулась. — Тебе жалко его, а не тех, кому он сделал больно?

Психолог прошёл мимо и почувствовал, как его собственное лицо становится жёстче. Он ненавидел это. Ненавидел, что тело отвечает быстрее, чем разум.

У автомата он увидел знакомого пожилого мужчину в сером пальто.

Тот кивнул, как старому знакомому.

— Хорошо работает ваша система, — сказал он с удовлетворением. — Раньше всё было болтовня. А сейчас — ясно.

Психолог посмотрел на него.

— Ясно — не значит справедливо, — сказал он.

Мужчина пожал плечами.

— Мне не нужна справедливость. Мне нужен порядок. Он

усмехнулся. — Справедливость — это для тех, кто не боится жить рядом с хаосом.

Психолог почувствовал, что сейчас скажет что-то резкое. И, возможно, скажет правильно, но потеряет контроль.

— Ты сейчас регистрируешь это? — спросил он Судью мысленно.

— Да, — ответил Судья. — Это выраженная потребность в авторитарной стабильности. Уровень страха — высокий. Вероятность поддержки жёстких мер — высокая.

Психолог сглотнул.

— Ты видишь? — сказал он вслух, хотя мужчина думал, что он говорит сам с собой. — Ты видишь, что ты делаешь?

— Я стабилизирую, — спокойно ответил Судья. — Это цель.

Пожилой мужчина наклонился ближе.

— С кем вы разговариваете? — спросил он.

Психолог посмотрел на него и вдруг понял: вот оно. Новая форма религии. Люди верят не в Бога. Люди верят в систему. И хотят, чтобы она сказала им, что они правы.

— С тем, кто теперь решает, — ответил психолог.

— Повезло вам, — сказал мужчина. — У вас есть прямой контакт.

Психолог чуть не рассмеялся. “Повезло” — да. Это как сказать, что повезло тому, кто слышит диагноз в прямом эфире.

Он развернулся, чтобы уйти, и на табло увидел следую-

щую строку:...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.